

Astrakhan region]. *Nogaevdcheskiy sbornik* [Nogaevdcheskiy collection]. Astrakhan, 2012, vol. 1, pp. 84–93.

10. Tanaliev A. D. Kulinarnye traditsii nogaytsev-karagashey [Culinary traditions Nogai-Karagash]. *Astrakhanskije kraevedcheskie chteniya* [Astrakhan local history reading]. Astrakhan, 2010, no. 2, pp. 298–300.

**ИНВЕРСИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАКТИК КАК СЛЕДСТВИЕ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОВЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ АКТОРОВ В КОНТЕКСТЕ
ФОРМИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА**

Волочаева Оксана Федоровна, кандидат социологических наук, доцент

Пятигорский государственный лингвистический университет
357532, Российская Федерация, г. Пятигорск, Ставропольский край, пр. Калинина, 9
E-mail: oksanavol71@mail.ru

Цель статьи состоит в выявлении роли и места новых политических акторов в процессе инверсии демократии. Решаются задачи, связанные с выявлением новых акторов, детерминирующих развитие современной политической реальности; определением их ресурсного потенциала, возможностей, технологий воздействия на демократические традиции; абриса инверсии демократических практик. Методологическая база исследования основывается на теории политической модернизации и политического порядка С. Хантингтона, теории относительной депривации Т. Гарра, теории обогащения-недовольства П. Коллиера и А. Хоеффлер. В статье рассматривается проблема инверсии современной демократии. Опираясь на концепцию "постдемократии" К. Крауча, обосновывается мысль о новых акторах, формах и механизмах, которые в течение последних лет активно способствовали формированию постдемократического общества, трансформации политических демократических практик. Описываются контуры политической жизни информационного общества, обосновывается мысль о роли средств массовой информации и коммуникаций в трансформации современной политической реальности вообще и демократических практик в частности.

Ключевые слова: демократия, либеральная демократия, постдемократия, политические практики, демократия меньшинств, глобализация

**INVERSION OF DEMOCRATIC PRACTICES AS A CONSEQUENCE
OF THE OPERATION OF NEW POLITICAL ACTORS IN THE CONTEXT
OF THE INFORMATION SOCIETY**

Volochaeva Oksana F., Ph.D. (Sociology), Associate Professor

Pyatigorsk State Linguistic University
9 Kalinin av., Pyatigorsk, Stavropol region, 357532, Russian Federation
E-mail: oksanavol71@mail.ru

The purpose of this paper is to identify the role and place of new political actors in the process of inversion of democracy. Solve problems relating to the identification of new actors that determine the development of modern political realities, determining their resource potential, capacity, technology impact on the democratic tradition; inversion of the contour of democratic practices. Methodological basis of research based on the theory of political modernization and political order of Samuel Huntington, the theory of relative deprivation T. Garr, theory – enrichment discontent P. Collier and A. Hoeffler. The problem of inversion of modern democracy. Based on the concept of "post-democracy" K. Kraucha, substantiates the idea of new actors, the forms and mechanisms, which in recent years actively promoted the formation of post-democratic society, democratic transformation of political practices. Describes the contours of the political life of the information society, justified the idea of the role of media and communications in the transformation of modern political reality in general and democratic practices in particular.

Keywords: democracy, liberal democracy, post-democracy, political practices, democracy minorities, globalization

Современные модели демократии уже оказались и ещё окажутся в будущем перед лицом многих вызовов. Главная причина кроется в происходящем переходе от индустриальных национальных государств к глобальным информационным обществам. Технологические, экономические и общественные изменения становятся более комплексными, чем когда-либо, а темпы этих изменений все увеличиваются. Можно даже говорить о смене парадигмы от концепции демократии индустриальной эры к концепциям демократии информационной эпохи [11].

В контексте данных рассуждений представляется интересной работа К.Крауча «Постдемократия» [9]. В первом приближении к пониманию сути данной концепции отметим, что постдемократия – это система, в которой "политики все сильнее замыкаются в своем собственном мире, поддерживая связь с обществом при помощи манипулятивных техник, основанных на рекламе и маркетинговых исследованиях" [9, с. 35–36].

Симптомы «постдемократии» проявляются в том, что «заинтересованное сильное меньшинство проявляет большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей; где политические элиты научились манипулировать народными требованиями» [9, с. 35–36].

Основная идея данной концепции в том, что происходит инверсия демократии. Можно говорить о нескольких факторах инверсии демократии, но одним из главных, на наш взгляд, является глобализация, которая быстро усиливает интеграцию мировой экономики и размывая национальную автономию. «Западный коммерциализм шагнул из Лос-Анджелеса и Нью-Йорка в Лондон, Прагу, Москву и Шанхай, провоцируя гомогенизацию культуры» [12, с. 23]. Глобализация – это всеобщий объективный процесс, в ходе которого большая часть рождающейся в мире социальной активности под влиянием постоянно усиливающихся локальных и региональных его проявлений приобретает всемирный характер, в котором географический, дистанционный фактор теряет свою важность или становится незначительным в установлении и поддержании трансграничных экономических, политических или социокультурных отношений.

Представляется, что демократизация не успевает за темпами глобализации, что выражается: в кризисе современной демократии, точнее либеральной модели / модели либеральной демократии, которая реализовывалась во второй половине XX в. в первую очередь в странах Запада; в трансформации системы политического участия; отказа от принципов социального государства, государства всеобщего благосостояния; в кризисе современных политических элит; утратой населением уважения к представителям государственной власти; требованиях максимальной открытости в политической, и не только, деятельности; в возрастании манипулятивного эффекта СМИ.

В данном контексте интересным является позиция М.Сюриа о современном господстве [10]. Он пишет, что господство есть суть политики, но политика в современном мире исчезает как привычный нам феномен, как феномен, за которым был закреплен определенный функционал. Он доказывает, что «политика не обладает более ни одним из своих бывших полномочий» [10, с. 16]. Современный мир, мир информационного общества есть основывается на господстве, которое есть «власть без политики» [10, с. 17].

Исходя из того, что господство есть результат «операции, нацеленной на то, чтобы политика не могла больше воспрепятствовать тому, чтобы денежные круги (финансовые рынки), информационные круги (пресса, медиа), пропагандистские круги (реклама, которую сегодня не стоит пытаться отличить от информационных кругов) и юридические круги (судьи и те, от кого сегодня зависит «справедливое распределение денег» захватили всю власть)» [10, с. 17] можно сделать вывод о том, что политические круги имеют власти «ровно столько, на сколько господство согласилось им ее временно переуступить» [10, с.17], при том, что переуступка осуществлена на тот срок, пока господству «не покажется, что оно в состоянии владеть властью в одиночку» [10, с.17]. На этом же условии оно временно принимает старые формы, формы, в которые политика традиционно и привычно представляла перед населением. Ибо «господство» пони-

мает, что массы не потерпят, чтобы «политика в традиционном смысле слова была так быстро устранена от надвигающихся форм власти» [10, с. 18].

Итак, «господство» есть новый расклад политических сил, при котором исчезает сама возможность политики, то есть реальных действий, направленных на изменение сложившихся условий человеческого существования. Этот расклад сил, исчезновение политики стало возможным в ситуации, когда «нет такой политики, над которой бы не возобладали деньги, поскольку нет политики, в которой деньги бы не решали все. Деньги до такой степени все решают, что нет больше политики, даже политики денег» [10, с. 21].

Данный тип господства стал возможен в ситуации, когда при помощи манипуляторных технологий население поверило в то, что можно ничего не срывать; что доказательства тому, что ты не скрываешь, необходимо предоставлять повсюду, самостоятельно без какого-либо требования со стороны; и данное доказательство, в силу его личного предоставления, свидетельствует о лояльности режиму. Прозрачность, являясь прикрытием режима «господства», позволяет через абсолютную открытость осуществлять контроль за всеми сферами жизни человека. Скандальные подробности из личной жизни политиков, спортивных, поп-звезд на данный момент является одними из заметных проявлений нового режима господства.

Исходя из логики М. Сюрра, можно предположить, что современный мировой финансово-информационный режим – режим господства – является тотальным явлением, посредством проекта глобализации дискредитировал, ослабил, уничтожил своих идеологических конкурентов, но лишившись их, он вынужден выискивать себе новых врагов, провоцировать новые утопии, разжигать новые очаги напряжения. Реализация данных установок можно наблюдать в рамках концепции «управляемого хаоса».

Более того, провозглашенная идея верховенства неолиберализма в экономике, капиталистического пути развития мира [5] не позволяет переложить ответственность за ряд неудач на иные идеологические режимы, что приводит к «мании осуждения» и как апогей – к самоосуждению. Осуждение самих себя дает возможность режиму «господства» (М. Сюрра) судить всех и везде.

Причинами инверсии демократии в современном мире связаны и с изменениями в классовой структуре современного общества, его атомизацией ("балканизацией"), что приводит с одной стороны к отмиранию сплоченных автономных организаций, созданных для выражения и отстаивания своих политических интересов, а с другой, к появлению множества разнонаправленных, разновекторных социальных движений меньшинств, которые не в состоянии противостоять манипулятивному натиску крупных корпораций, политических/бизнес элит.

Именно "концентрация власти и богатства в многонациональных корпорациях, способных оказать политическое влияние, не прибегая к участию в демократических процессах" [9, с. 8], есть одна из основных причин современной инверсии демократии в западном, да и не только, мире.

Нам представляется, что в настоящее время происходит усиление влияния ТНК на политическую власть, политические структуры внутри национальных государств, девальвация под влиянием ТНК традиционных стратификационных принципов и структур, "балканизация" общества, ориентирующегося не на политическое участие, а на участие в театральном действе в качестве зрителя и стороннего наблюдателя.

Интересным в нашем контексте видится концепция мета-власти У. Бека. Он пишет, что «на наших глазах происходит одна из важнейших перемен в истории властных отношений» [3]. То есть, современные политические процессы детерминированы мета-властью, ресурсом которой является "не угроза вторжения, а угроза невторжения инвесторов или же угроза их ухода" [3, с. 142]. По мнению У. Бека данная форма господства "основана не на исполнении приказов, а на возможности с большей выгодой вкладывать средства в другом месте, в других странах, вследствие чего возникает угроза не делать нечто, то есть не делать инвестиций в данную страну" [3, с. 142]. Потенциал воздействия существующей у данной формы власти-господства, связан с логикой эко-

номических действий и экономической власти, логикой геоэкономических и геофинансовых процессов, что, по мнению У. Бека и есть основной рычаг власти, в том числе, и власти субъектов мировой экономики [3, с. 169]. Отметим, что данную мысль развивает в своих работах З. Бауман, Ю. Хабермас, Г. Косов [1, 2, 9, 11].

В своих рассуждениях У. Бек приходит к пониманию того, не только мета-власть капитала, но и мета-власть глобального гражданского общества является индикатором политического процесса в современном информационном обществе. Мета-власть глобального гражданского общества основывается на "признании веса и значения прав человека в противовес мнимой самоочевидности национального государства, в соответствии с которой государства могут делать на подвластной им территории все, что им заблагорассудится. Политика в области прав человека также открывает арсенал стратегий для подспудной революционизации международной системы" [3, с. 315].

Отметим, что требования, связанные с соблюдением прав человека в современном мире исходят не только от государств или групп государств, но и от иных акторов вне суверенитета, и связаны оно, как правило, со стремлением, игнорируя принципы суверенитета и международного права, повлиять внутривнутриполитическую динамику иных государств, что особенно заметно в настоящее время, время реализации проекта "управляемого хаоса". "В этом смысле язык прав человека позволяет вести в высшей мере легитимную и авторитетную дискуссию о сущности власти, которая, с одной стороны, дает возможность угнетенным и ущемленным группам заявить о своих правах и (возможно) добиться их реализации внутри страны при внешней поддержке со стороны мировой общественности; с другой стороны, во всем мире правительствам и неправительственным организациям предоставляется стабильное и принципиальное право на участие в обсуждении и решении этих проблем" [4] – отмечает У. Бек.

В данной сентенции У.Бека прослеживаются идея, более точно сформулированная К.Краучем. Так, он, рассуждая о тенденциях и симптомах «постдемократии», писал, в ситуации постдемократического общества «заинтересованное сильное меньшинство проявляет большую активность в попытках с выгодой для себя эксплуатировать политическую систему, нежели массы простых людей; где политические элиты научились манипулировать народными требованиями» [9, с. 35–36].

На наш взгляд, именно меньшинства могут стать одним из факторов инверсии демократии и сам феномен "демоса" как нечто связанного с гражданством, нацией, с осуществлением автономной деятельностью в социальном и политическом пространстве станет более поливариантным. Более того, постепенно удаляясь от социально-стратификационных структур индустриального общества, и генерируя новое социальное пространство информационного общества демос будет состоять не из нескольких монолитных сообществ, а из меньшинств, сплоченных множеством параметров от профессии, стиля жизни, культуры, хобби, сексуальных ориентаций. При том, что данные социальные объединения могут быть в той или иной степени виртуальными, автономными. Данный вектор развития современной социально-политической реальности будет связан с формированием такого феномена как «демократии меньшинств», "общество меньшинств".

Л. Ионин по данному поводу пишет, что "в общество меньшинств только меньшинства выглядят реально существующими и претендующими на универсальные права" [7, с. 21].

Подчеркнем, что инверсия демократических практик связана с появлением социально-политических структур, в которых базовым элементом "идентификации являются категории разного рода меньшинств» [7, с. 221].

Меньшинства Л. Ионин предлагает рассматривать как "депривированные и когда-то подвергшиеся/подвергающиеся эксклюзии со стороны некоего неопределенного господствующего большинства" социальные общности [6, с. 105], а политкорректность, в свою очередь, является "идеологией современной массовой демократии" [6, с. 105], суть которой сводится "с одной стороны, к обоснованию внутренней и

внешней политики западных государств и союзов, а с другой -подавлению инакомыслия и обеспечению идейного и ценностного консенсуса" [6, с. 8].

Отметим, что право на участие в политической жизни относится к праву гражданина стремиться к влиянию на общественные дела. Оно может принимать многие формы, наиболее популярными из которых являются голосование на выборах, вступление в политическую партию, выдвижение своей кандидатуры на выборах, работа в неправительственной организации или участие в демонстрации. Правовой фундамент этого права заложен в Универсальной декларации прав человека принятой ООН в 1948 г. и впоследствии формализованной в 1976 г. в Международной конвенции гражданских и политических прав. Страны, подписавшие данные соглашения (в настоящий момент их 150), обязаны периодически предоставлять специальной комиссии отчеты о том, как они выполняют условия соглашения. Она проводит открытые публичные сессии, где также могут присутствовать неправительственные организации. Комиссия дает свою критическую оценку, которая хотя и не является юридически обязывающей, привлекает общественное внимание к негативным (или позитивным) практикам государства в этой области [14].

Поскольку декларация, в отличие от соглашения, это утверждение неких общих принципов, стандарты поведения, которые она закрепляет, не носят характер обязательных к исполнению, хотя сам документ имеет огромное правовое и политическое значение. Принятая почти три десятилетия спустя, Конвенция имеет статус международного закона и накладывает а подписавшие ее государства ряд обязательств.

Однако один аспект права на участие в политической жизни требует особого внимания: это его статус в качестве «политического права» – оно дается только гражданам страны. Однако такой статус не существует «изолированно» - в информационном обществе оно выходит за рамки «подчинения правительству конкретной страны», что ставит неудобные вопросы: можно ли говорить о том, что информационное общество обладает и подчиняется какому-либо правительству? Приемлемо ли говорить о «гражданах» в информационном обществе? Логично предположить, что если ответ на первый вопрос отрицательный, то и на второй он также будет отрицательным. Следовательно, нельзя говорить и о наличии подобных гражданских прав.

Тем не менее, можно говорить о том, что в информационном обществе существуют два класса институтов, которые можно считать «правительством». Первый – и наименее интересный – национальные правительства, которые выступают в своем качестве и для информационных обществ. В этом случае гражданство и права информационного общества идентичны обычному обществу.

Второй, более современный подход, заключается в том, что у информационного общества свои собственные политические институты и свои права. Общественная деятельность в информационном обществе протекает по своим собственным канонам, создавая «свои» институты и «своих» граждан, которые располагают правом на участие в политических процессах.

Право на участие в политическом процессе как в Декларации (статья 21), так и в Конвенции (статья 25) прописано практически одними терминами. Это право, однако, имеет ряд своих отличительных для Декларации и Конвенции особенностей, в том, что касается определения политического статуса. Конвенция отсылает к праву «гражданина» («Каждый гражданин имеет право...»), в то время как Декларация – к «правительству» («Каждый имеет право на участие в работе правительства своей страны...») [13, с. 7].

Однако из обеих формулировок понятно, что право на участие в политической жизни не существует как право человека само по себе, но только в контексте политических институтов гражданства и правительства.

Конвенция говорит о праве на участие, как в общей, так и в специфической форме. В первом случае – это «..принимать участие в общественных делах» [13, с. 8].

под которыми можно понимать участие в деятельности гражданских ассоциаций, социальных движений, а также в формальных процедурах властного управления.

Таким образом, хотя действия в этом направлении должны осуществляться гражданами, они не ограничиваются формальными политическими институтами и могут включать деятельность общественного характера. Вторая форма участия носит более специфический характер – выборы как один из наиболее распространенных и признанных видов общественного участия. Вне зависимости от того являются ли они центральным элементом политической системы или нет, открыты ли для всех граждан или только некоторых представителей, большинство правительств инкорпорирует их в свои системы.

Конвенция также оговаривает критерий «гражданства». Некоторые политические системы исторически оговаривали его на основании материального благосостояния, пола, возраста, умственной дееспособности. Так или иначе, данный критерий является весьма важным элементом участия в политических процессах и ему, согласно Конвенции, должны быть присущи «универсальность» и «равенство».

Список литературы

1. Бауман З. Глобализация: последствия для человека и общества. – Москва : Питер, 2004. – 164 с.
2. Бауман З. Текущая современность. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 182 с.
3. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма: новая всемирно-политическая экономика. – Москва : Прогресс-Традиция, Территория будущего, 2007. – 384 с.
4. Бек У. Космополитическая глобализация. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
5. Бергер П. 50 тезисов о капитализме. – Москва : Наука, 1998. – 246 с.
6. Ионин Л. Политкорректность: дивный новый мир. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2012. – 110 с.
7. Ионин Л. Аптдейт консерватизма. – Москва : Высшая школа экономики, 2010. – 304 с.
8. Косов Г. В. Трансформационные процессы глобального социально-политического пространства // Власть. – 2013. – № 3. – С. 63–66.
9. Крауч К. Постдемократия. – Москва : Высшая школа экономики, 2010. – 192 с.
10. Сюрри М. Деньги: крушение политики. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 138 с.
11. Хабермас Ю. Проблема легитимации позднего капитализма. – Москва : Практикс, 2010. – 272 с.
12. Hyland J. L. Democratic Theory: The Philosophical Foundations. – Manchester : Manchester Univ. Press, 1995. – 224 p.
13. Klein H. The Right to Political Participation and the Information Society / K. Hans // Presented at Global Democracy Conference. – Montreal, 2005.
14. Nickel J. Human Rights // The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Summer Edition / Ed. by Edward N. – Stanford University Press, 2003.

References

1. Bauman Z. *Globalizatsiya: posledstviya dlya cheloveka i obshchestva* [Globalization: Implications for individual and society]. Moscow, Piter Publ., 2004, 164 p.
2. Bauman Z. *Tekuchaya sovremennost* [Fluid Modernity]. St. Petersburg, Piter Publ., 2008, 182 p.
3. Bek U. *Vlast i ee opponenty v epokhu globalizma: novaya vsemirno-politicheskaya ekonomiya* [Government and its opponents in the era of globalization: a new world-political economy]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2007, 384 p.
4. Bek U. *Kosmopoliticheskaya globalizatsiya* [Cosmopolitan Globalization]. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/articles/2328.html>.
5. Berger P. *50 tezisov o kapitalizme* [50 theses about capitalism]. Moscow, Nauka Publ., 1998, 246 p.
6. Ionin L. *Politkorrektnost: divnyy novyy mir* [Political Correctness: Brave New World]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2012, 110 p.

7. Ionin L. *Aptdeyt konservatizma* [Aptdeyt conservatism]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, 304 p.
8. Kosov G. V. Transformatsionnye protsessy globalnogo sotsialno-politicheskogo prostranstva [Transformation processes of global socio-political space]. *Vlast* [Authority], 2013, no. 3, pp. 63–66.
9. Krauch K. *Postdemokratiya* [Postdemocracy]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2010, 192 p.
10. Syuria M. *Dengi: krushenie politiki* [Money: the collapse of politics]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001, 138 p.
11. Khabermas Yu. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma* [The problem of legitimation of late capitalism]. Moscow, Praxis Publ., 2010, 272 p.
12. Hyland J. L. *Democratic Theory: The Philosophical Foundations*. Manchester, Manchester Univ. Press Publ., 1995, 224 p.
13. Klein H. The Right to Political Participation and the Information Society. *Presented at Global Democracy Conference*. Montreal, 2005.
14. Nickel J. Human Rights. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. *Summer Edition*. Ed. by N. Edward. Stanford University Press, 2003..

ТРАДИЦИИ И МОДЕРНИЗАЦИИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА

Козлова Н.Н.

Российская Федерация, г. Тверь

В данной статье автор анализирует соотношение традиций и инноваций в концепции византизма российского консерватора К.Н. Леонтьева. Автором сделаны выводы о доминировании в теории мыслителя традиционных ценностей в конструировании российской политики. Автор заключает, что Леонтьев относится к теоретикам консервативной модернизации.

Ключевые слова: консерватизм, модернизация, традиция, монархия, византизм

TRADITION AND MODERNIZATION IN K. N. LEONTIEV'S POLITICAL THEORY

Kozlova N.N.

Tver, Russian Federation

In this article, the author analyzes the relationship of tradition and innovation in K.N. Leontiev's theory of byzantinism. The author arrives at the conclusion that in the thinker's theory prevail traditional values in the construction of Russian politics. The author classifies as Leontiev a conservative modernization theorist.

Keywords: conservatism, modernization, tradition, the monarchy, Byzantium

Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) – русский мыслитель XIX в., один из представителей консервативной политической мысли пореформенной России. Творчество Леонтьева стало настолько популярно в постсоветскую эпоху в отечественном гуманитарном знании, что некоторые исследователи утверждают наличие такого феномена как «леонтьевский ренессанс» [35, с. 5] и формирование новой исследовательской школы – «леонтьевоведения» [34, с. 130]. В современной России философ обрёл славу, о которой мечтал при жизни. По меткому выражению А.П. Козырева Константин Леонтьев в «зеркала наследников» не просто оброс мифами в толкованиях и интерпретациях, он сам стал мифом, одновременно манящим и устрашающим, а его имя – культурным символом [14, с. 417].

Все исследователи творчества мыслителя солидаризируются в признании своеобразия его идей, оригинальности его подхода к рассмотрению социально-политических проблем России [12, с. 49]. Наследие философа заслужило в научной и публицистиче-